

Семь лет назад, на двадцать третьем чемпионате Университета W по баскетболу, Тань Цзипин присутствовал в качестве почётного гостя — его, как одного из членов попечительского совета, пригласили занять место в судейской коллегии.

Когда Тань Сяо вывел на площадку сборную финансового факультета, трибуны взорвались таким оглушительным визгом, что крыша спортивного комплекса, казалось, вот-вот взлетит на воздух.

Тань Цзипин мгновенно выхватил взглядом из толпы этого юношу — яркого, приковывающего к себе внимание с первой же секунды.

Над ареной загремел бодрый, заводной марш.

Юноша непринуждённо прижимал мяч локтем к боку и с улыбкой махал трибунам. Его мягкие чёрные волосы слегка взъерошивались в такт лёгким, пружинящим шагам. Безразмерная белая форма, точно такая же, как у остальных игроков, ничуть не скрывала его природного, какого-то поразительно мягкого обаяния.

Цзипин прищурился. Он ещё не до конца понимал, что просто физически не может отвести от парня глаз.

Поприветствовав зрителей, Тань Сяо вдруг повернулся в сторону почётных гостей, тепло улыбнулся и приветственно взмахнул рукой.

Сквозь гул и неистовство толпы они впервые увидели друг друга и встретились взглядами.

Мир вокруг словно застыл.

Всего один взгляд — и в забитом до отказа огромном спорткомплексе для Тань Цзипина больше не существовало никого, кроме этого красивого, открыто улыбающегося юноши.

Цзипин потянулся к бутылке и сделал глоток, пытаясь унять внезапную сухость в перехваченном горле.

Ему показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

В тот день он досмотрел турнир до самого конца, не пропустив ни единой игры.

Тань Сяо носился по площадке, пасовал, обводил соперников, забивал — его сыгранность с командой завораживала. Сильный, подтянутый, он двигался с поразительной грацией, с него градом катился пот, а на лице то и дело сменяли друг друга азарт, напряжение и чистый юношеский восторг.

Цзипин допил воду и открыл вторую бутылку.

Когда турнир завершился, Тань Сяо остался на площадке с парой товарищей, чтобы отработать несколько комбинаций. Цзипин какое-то время молча наблюдал за ними со стороны, а затем, не снимая туфель, вышел на паркет и стремительным, выверенным движением перехватил мяч прямо у парня из-под носа.

Тань Сяо в изумлении вскинул брови и тут же бросился вдогонку. Цзипин, несмотря на строгий деловой костюм, ничуть ему не уступал. Они сцепились в коротком, азартном поединке один на один.

— Как тебя зовут? — спросил Тань Цзипин, сделав обманное движение влево, резко развернувшись и легко уйдя от блока.

— Тань Сяо. А вас? — улыбнулся парень, ни на секунду не отставая.

В ту секунду, когда Тань Сяо посмотрел на него с этой своей обезоруживающей улыбкой, Цзипин на мгновение зазевался и упустил мяч. Парень ловко перехватил его, отбежал к трёхочковой линии, взмыл в воздух — и мяч, описав идеальную дугу, с тихим шорохом провалился в сетку. Чистое попадание.

Отскочивший от пола мяч послушно прыгнул Цзипину прямо в руки.

Тань Сяо просиял. Перебросив ему мяч, Цзипин представился:

— Тань Цзипин.

Неторопливо постукивая мячом о паркет, парень лукаво сощурился:

— Какое совпадение. Мы ведь однофамильцы. Пятьсот лет назад точно были одной семьёй.

"И в будущем тоже станем одной семьёй"

Слова эти эхом отозвались в сознании Тань Цзипина.

Существует одно избитое выражение, которое лучше всего описывало то, что он тогда испытал, — любовь с первого взгляда.

Когда нити судьбы начинают переплетаться, они рожают чудо, способное врезаться в память на всю оставшуюся жизнь.

Вторая встреча не заставила себя долго ждать.

В Университете W проходили обычные студенческие дебаты, и Цзипин вновь оказался среди судей. Только на этот раз он напросился туда сам.

Стоило ему заметить имя Тань Сяо в списке участников, прикрепленном к официальному приглашению от ректората, как все сомнения отпали.

Его секретарь Мэн Линь, услышав, что шеф горит желанием посетить абсолютно не связанное с бизнесом студенческое мероприятие, переспросил трижды, решив, что ослышался.

Цзипин и сам не ожидал от себя подобного порыва. Но при взгляде на имя юноши в памяти мгновенно ожил образ сияющего спортсмена.

Он сам не заметил, как тепло улыбнулся.

Тема дебатов оказалась на редкость острой и провокационной: «Является ли однополая любовь естественной и имеющей право на существование».

Тань Сяо выступал на стороне утверждения. Облаченный в строгий чёрный костюм, он занимал место первого спикера. Он выглядел спокойным; до начала раунда он непринуждённо переговаривался о чём-то со вторым спикером своей команды.

Их соперниками были студенты из Университета S. Межвузовское противостояние, да ещё и по столь щекотливому вопросу, вызвало небывалый ажиотаж — актовый зал был забит до отказа.

Оппоненты с ходу пошли в агрессивную атаку, по-ханжески вещая с трибуны и пытаясь задавить аудиторию авторитетом традиционной морали.

Высокопарные рассуждения о «предательстве долга по продолжению человеческого рода» и «противоестественной природе, разрушающей основы общества» заставили Тань Цзипина недовольно поморщиться.

В зале поднялся приглушённый, неодобрительный гул.

Тань Сяо поднялся со своего места, застегнул пуговицу пиджака и подошёл к микрофону. Его ровный, уверенный голос разнёсся по залу:

— Я категорически не согласен с позицией оппонентов. Великий философ Гегель однажды сказал: «Всё реальное разумно, всё разумное реально». История нашей страны знает немало примеров великой однополрой любви. Достаточно вспомнить правителя царства Вэй Лин-гуна и его фаворита Ми Цзыся, или императора Вэнь-ди из династии Чэнь и его возлюбленного Хань

Цзыгао. С древнейших времён и до наших дней истории о глубокой привязанности мужчин друг к другу воспевались в литературе и поэзии. Это доказывает одно: однополая любовь существовала всегда. Если же мы обратимся к современности, например, к статистике Соединённых Штатов, то увидим, что доля гомосексуальных людей там достигает десяти процентов, а в некоторых мегаполисах превышает двадцать. Как справедливо заметили наши оппоненты, такие союзы не ведут к продолжению рода. Но если эта особенность не передаётся генетически — особенно в древности, когда репродуктивные технологии отсутствовали, — то откуда сегодня берётся столь внушительное сообщество? Что заставляет этих людей, прекрасно осознавая все трудности, раз за разом выбирать путь, который большинство считает дорогой в никуда?

Тань Сяо мягко улыбнулся. Он смотрел с искренностью и глубоким пониманием.

— Всё просто: любовь неподвластна холодному расчёту. Она рождается сама по себе, и её нельзя загнать в рамки. Чувства этих людей так же естественны, чисты, священны и прекрасны, как и чувства гетеросексуальных пар. И они точно так же заслуживают признания. Нельзя судить человека за любовь — так же, как нельзя осуждать любое другое проявление этого великого чувства.

В зале на мгновение воцарилась абсолютная тишина, а затем трибуны буквально взорвались громом аплодисментов.

Спустя годы Цзипин раз за разом возвращался мыслями к тому дню. К образу бесстрашного юноши, который открыто, перед лицом сотен людей, заявил: у любви нет пола.

Он был так горд и уверен в себе.

И в тот день Тань Цзипин сдался без боя, добровольно позволив себе утонуть в этом чувстве.

На следующее утро Тань Сяо поднялся на рассвете. Купив букет белоснежных лилий, он поймал такси и через полчаса уже был у ворот Западного городского кладбища.

За прошедшие годы территорию кладбища заметно расширили.

Тань Сяо не навещался сюда четыре года. Теперь, растерянно бродя среди бесконечных рядов безликих, одинаковых серых плит, он окончательно сбился с пути.

Неподалёку пожилой смотритель лениво шуршал по дорожке метлой из бамбуковых прутьев. Услышав шаги, он замер и принялся пристально разглядывать гостя мутными от старости глазами, а затем медленно направился к нему, волоча за собой метлу.

Тань Сяо остановился и вежливо улыбнулся старику.

Солнце ещё не показалось из-за горизонта, и небо над головой отливало тусклым, пепельно-серым цветом.

— Кого ищешь, сынок? — спросил смотритель.

Тань Сяо на секунду замешкался, но послушно ответил:

— Дин Мэнцин.

Старик молча кивнул и развернулся, указывая дорогу:

— Иди за мной.

Они молча двинулись по узкой извилистой тропинке. Вскоре смотритель остановился у нужного надгробия и указал на него рукой:

— Вот здесь она лежит.

Тань Сяо благодарно кивнул:

— Спасибо вам большое. Извините за беспокойство.

— Работа такая, чего уж там, — старик махнул рукой. — Послушай, парень, а ты ведь года четыре назад уже приходил сюда, верно?

Тань Сяо осторожно опустил цветы на каменную плиту и удивлённо поднял глаза. Перед отъездом в Штаты он действительно приезжал попрощаться.

— Да, всё верно. А вы?..

Старик добродушно усмехнулся:

— Да я тут почитаю всю жизнь за порядком слежу. Память у меня на лица хорошая.

Тань Сяо понимающе улыбнулся.

Полюбовавшись на пригожего юношу, старик тепло вздохнул и, позабыв, о чём ещё хотел

расспросить, привычным жестом закинул метлу на плечо и пошёл дальше по аллее.

Тань Сяо перевёл взгляд на небольшую чёрно-белую фотографию на памятнике. С неё мягко улыбалась мать Тань Цзипина, Дин Мэнцин. Настоящая южанка — хрупкая снаружи, но с нестигаемым внутренним стержнем. Время словно обходило её стороной: даже разменяв пятый десяток, она умудрялась сохранять девичью прелесть и изящество.

Если бы тогда он, назвавшись членом семьи, не подписал роковое согласие на операцию... эта прекрасная женщина могла бы прожить ещё лет десять.

Целых десять лет.

Неудивительно, что Тань Цзипин так сильно его возненавидел.

Тань Сяо опустился на одно колено. Достав из кармана шёлковый мешочек с засушенными лепестками роз, он принялся бережно, один за другим, выкладывать их на холодный гранит.

— Тётя Дин, я пришёл навестить вас. Вы уж простите, что так долго не появлялся. Я уезжал... можно сказать, сбежал в Америку. А знаете, дома всё-таки кормят вкуснее. Я ходил в тот японский ресторанчик в Сан-Франциско, который вы советовали. С вашей стряпнёй и близко не сравнится. Недавно я сменил работу, теперь живу здесь, в городе L. Буду заглядывать к вам почаще. Вот, смотрите, — Тань Сяо улыбнулся и с гордостью развёл руками. На серой плите красовалось имя «Дин Мэнцин», аккуратно выложенное из алых лепестков и обведённое ровным контуром. — Управился меньше чем за две минуты. Скажите, я ведь стал куда ловчее, чем раньше?

На безлюдном утреннем кладбище царил покой, но внезапно налетевший резкий порыв ветра безжалостно разметал лепестки роз по холодному камню, мгновенно разрушив хрупкий узор.

Парень перестал улыбаться.

Он растерянно смотрел на хаотично разбросанные лепестки. Тот единственный человек, который когда-то разделял с ним эту глупую детскую забаву, теперь был так же недостижим, как и улетевшие цветы. Ни того, ни другого Тань Сяо удержать не сумел.

Женщина на снимке продолжала мягко улыбаться. Она казалась способной понять любую беду. Но их с Цзипином любовь они простить так и не смогли.

В памяти всплыл тихий, прерывистый голос из прошлого. Больничная палата, писк приборов.

"Сяо-Сяо, я ведь знаю, какой ты хороший мальчик, — Дин Мэнцин, тяжело дыша через кислородную маску, слабо сжимала его ладонь. — И знаю, что ты отступить от этой любви не захочешь"

Каждый вдох давался ей с колоссальным трудом, болезнь не щадила остатки сил.

"Цзипин у меня ведь тоже... упрямый до невозможности. Вы оба такие гордые, упрямые"

"Но он мой единственный сын. Я видела, через что ему пришлось пройти, чтобы выбиться в люди... Прости меня, Сяо-Сяо. Но моё материнское сердце просто не выдержит, если его, моего мальчика, в конце концов станут презирать и высмеивать из-за связи с мужчиной. Если он останется без детей, без продолжения рода и встретит старость в абсолютном одиночестве. Прощу тебя... Сяо-Сяо, прояви милосердие к несчастной матери"

"Я всё понимаю, сынок, — она опустила веки и слабо похлопала сидевшего у кровати юношу по руке. — Ты умный, талантливый, красивый парень. Если бы только... если бы только ты не был избранником Цзипина... я бы любила тебя как родного сына. Знаю, ты не хочешь отпускать его. Но если я уйду вот так, как я посмотрю в глаза предкам нашей семьи на том свете?"

"Да и жизнь моя сейчас — сплошное мучение. Я устала от этой боли" — Она вдруг проявила странную, пугающую решимость.

"Ты официальный супруг Цзипина, по закону ты имеешь право подписать согласие на операцию, — она задрожала, и в её взгляде застыла отчаянная мольба. Она мёртвой хваткой вцепилась в его пальцы. — Я никогда в жизни ни на что не ставила. Но сегодня... сегодня я хочу заключить с тобой пари..."

Тань Сяо аккуратно высыпал остатки лепестков к подножию памятника, постоял в молчании ещё пару минут и медленно пошёл к выходу.

— Доброе утро, директор Тань. Руководители отделов планирования и рекламы уже ждут вас в конференц-зале, — быстро заговорил Чжао Сюй.

Тань Сяо с вечера предупредил помощника, чтобы тот не заезжал за ним утром. Чжао Сюй послушно ждал его у самого входа в здание и, стоило боссу переступить порог, тут же последовал за ним.

Тань Сяо коротко кивнул. После быстрой ходьбы ему стало жарко; на ходу расстегнув пиджак, он скинул его и передал секретарю.

Приняв вещи, Чжао Сюй забежал вперёд и нажал кнопку вызова лифта.

В конференц-зале сидели двое мужчин. Это были те самые руководители подразделений, которые пропустили прошлую рабочую встречу из-за командировки.

При появлении Тань Сяо оба руководителя синхронно поднялись со своих мест.

Безупречная осанка, яркая внешность — сомневаться не приходилось: перед ними стоял тот самый новый программный директор, слухи о котором последние несколько дней будоражили всю радиостанцию.

— Директор Тань, — уважительно поприветствовали они его.

— Доброе утро. Присаживайтесь, — Тань Сяо слегка кивнул и занял председательское кресло в главе стола. — Давайте знакомиться. Меня зовут Тань Сяо, я новый программный директор радиостанции, — он спокойно окинул присутствующих взглядом и жестом остановил мужчину, который порывался встать, чтобы представиться. — Не стоит утруждаться, менеджер Мо. Я прекрасно знаю, кто вы.

Тань Сяо ещё до вступления в должность досконально изучил личные дела всего руководящего состава.

Менеджер Мо послушно опустил обратно на стул.

— Я пригласил вас, чтобы обсудить наши ближайшие планы, — Тань Сяо открыл лежащую перед ним папку с отчётами. — Показатели рекламного отдела за первое полугодие, мягко говоря, оставляют желать лучшего. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года объём привлечённых спонсорских средств не просто не вырос, а упал на целых шестнадцать процентов. Я внимательно изучил все наши проекты за прошедшие шесть месяцев. За исключением акции «Свидание на сотню ли в день Циси», которая наделала шуму в сети и даже попала в тренды, ни одно мероприятие не вызвало у аудитории ни малейшего интереса. Никакого новаторства, сплошные старые, избитые форматы. И то, что рекламодатели неохотно несут нам деньги, напрямую связано с вялой работой отдела планирования. Полагаю, вам это и без меня прекрасно известно, менеджер Ван?

— Да, абсолютно верно... — покрывшись испариной от столь безжалостной прямоты, менеджер Ван судорожно вытер лоб платком и замер, боясь лишний раз вздохнуть.

— Мы работаем в медиасфере, а здесь креативность и сплочённость команды решают всё. Очень надеюсь, что вы с менеджером Мо сумеете забыть о былых разногласиях и начнёте работать в полную силу, — Тань Сяо сделал на этом словесный акцент, давая понять, что прекрасно осведомлён об их затяжном конфликте.

Оба руководителя растерянно переглянулись. В их головах закрутились тревожные мысли: новый босс оказался далеко не промах. Всего за несколько дней он умудрился досконально изучить расстановку сил внутри коллектива и подковёрные игры отделов.

— Скоро День образования КНР и Праздник середины осени, даты в этом году почти совпадают. У нас есть ровно месяц. Через неделю жду от вас детальный, пошаговый план

совместных праздничных мероприятий. Вопросы есть?

Менеджеры обменялись быстрыми взглядами. И в этот момент они действительно проявили редкое единодушие, без слов договорившись саботировать поручение при первой же возможности.

— Никаких вопросов, директор Тань, — хором ответили они.

Тань Сяо захлопнул папку:

— Отлично. Свободны.

<http://bllate.org/book/19554/2038110>